

Лао Цзюань всё сильнее распалялась. В гневе она повысила голос, в её тоне сквозили обида и недовольство:

— На что ты злишься! Разве я сказала что-то не так?

Линь Шиминь не остался в долгу:

— Я отдал тебе управление домом, все деньги до копейки — тоже тебе! Если не ты должна этим заниматься, то кто? К тому же, все эти мелочи — женская работа! Чего ты вечно ноешь?

В его словах сквозило полное непонимание Лао Цзюань и непоколебимая приверженность традиционному разделению ролей. Услышав это, Лао Цзюань вспыхнула:

— Линь Шиминь... я с тобой еще не закончила!

В её глазах читались разочарование и ярость. Сказав это, она развернулась и пошла прочь. Походка её была нетвердой, словно слова мужа лишили её сил.

Линь Сифэн уже очень давно не виделась с матерью, и у неё накопилось столько слов, которыми хотелось поделиться... Не раздумывая, она бросилась следом. Увидев это, Линь Шиминь в ярости схватил пластиковый стул и со всей силы швырнул его в сторону дочери.

Линь Сифэн бежала второпях, а Линь Шиминь, будучи пьяным, едва стоял на ногах, поэтому стул лишь вскользь задел руку девушки с резким свистом.

— Ах! — Линь Сифэн глухо вскрикнула от боли и на секунду замерла, но не обернулась и, не колеблясь, побежала дальше к матери.

Линь Шиминь в бессильной злобе заорал:

— Беги! Попробуй только вернуться! Проваливай! Все проваливайте, чтоб духу вашего здесь не было!

Линь Сифэн с трудом догнала мать, когда та уже собиралась открыть дверцу машины. Девушка тяжело дышала, слова давались ей с трудом:

— Мама... я... я хотела тебе кое-что сказать...

Лао Цзюань даже не взглянула на неё, лишь отмахнулась, всем видом выказывая нетерпение:

— Ладно, ладно! Поняла! Вот если действительно поступишь в хороший университет, тогда и приходи ко мне за деньгами! Хорошо? Ну что ты за ребенок такой, совсем не умеешь радовать. Еще даже не поступила, а уже бегаешь за родителями, денег просишь. Разве так дети себя

ведут? Другие рождаются, чтобы отплатить родителям за заботу, а ты? Только и знаешь, что долги выбивать!

Это был далеко не первый раз, когда Лао Цзюань говорила с ней в подобном тоне, и Линь Сифэн давно привыкла. Но она знала: если упустить этот момент, неизвестно, сколько еще придется ждать новой встречи.

Когда дыхание Линь Сифэн немного выровнялось, она опустила голову и тихо, с ноткой робости произнесла:

— Мама... я уже давно купила телефон, завела Вичат... — Она запнулась, словно эти несколько слов выпили из неё все мужество, и ей требовалось время, чтобы набраться сил для продолжения. — Мама... давай добавим друг друга в друзья...

Лицо Лао Цзюань оставалось равнодушным, она молчала.

Линь Сифэн подняла телефон, быстро разблокировала его, открыла Вичат и вывела на экран QR-код для добавления в друзья. На её лице появилась заискивающая улыбка:

— Мам, ну пожалуйста! Я не буду из-за телефона забивать на учебу, просто иногда хочется с тобой поболтать. Ты так далеко... я так по тебе скучаю...

Однако Лао Цзюань даже не притронулась к своей сумке. Помолчав несколько секунд, она ответила:

— Ой, да я тебя знаю! В детстве ты тоже говорила, что досмотришь сериал и сядешь за уроки, а в итоге учитель на следующий день вызывал меня в школу для разбирательств! Тогда даже телефонов не было, а ты всё равно не могла удержаться и не делала домашку...

Лао Цзюань принялась перечислять какие-то мелочи, о которых Линь Сифэн почти не помнила. Это был отказ? Что-то нежное внутри девушки словно пронзило острый, невыносимой болью.

В переулке тусклый желтый свет фонаря падал на мать и дочь. Линь Сифэн молча смотрела на Лао Цзюань, стараясь запечатлеть её образ в самом дальнем уголке своего сердца, чтобы сохранить навсегда.

Линь Сифэн глубоко вздохнула и, перестав обращать внимание на бесконечные упреки матери, спокойно сказала:

— Мама... как только я хорошо сдам экзамены и поступлю в хороший вуз, я докажу, что телефон не мешает моей учебе. И тогда мы обязательно добавим друг друга в друзья...

Не раздумывая, она широко развела руки и крепко обняла Лао Цзюань. Та застигнута врасплох и замерла на месте. В тусклом свете фонаря выражение её лица стало неясным, губы плотно

сжались в тонкую линию, а руки безвольно повисли вдоль тела — она не ответила на объятие дочери.

Линь Сифэн слегка опустила голову и потерлась щекой о шею матери, как в детстве, ласкаясь: — Мама... до свидания, води машину осторожно...

Не дожидаясь ответа, она решительно развернулась и пошла в сторону дома, не оглядываясь.

Лао Цзюань осталась стоять на месте, глядя в пустоту, словно лишившись души. Однако всего через пару секунд она, будто очнувшись от сна, молча села в машину и уехала.

Линь Сифэн прибавила шагу, словно стремясь сбежать от этой причиняющей боль сцены. Она боялась обернуться, опасаясь, что потеряет последние крупницы мужества. Но дойдя до угла улицы, всё же не удержалась. Её взгляд уловил клубы пыли, поднятые уезжающим автомобилем — они кружились в воздухе, словно насмехаясь над её одиночеством и беспомощностью.

Глаза Линь Сифэн мгновенно наполнились слезами, которые хлынули, как прорвавшая плотина. Она крепко прикусила губу, стараясь не разрыдаться в голос, но израненное сердце в этот миг разбилось на тысячи осколков.

Выходные у старшеклассников пролетают как дикий конь без узды — не успеешь оглянуться. Однако Линь Сифэн вернулась в школу раньше других. По правилам возвращаться нужно было в воскресенье вечером, но она приехала, едва на горизонте забрезжил первый золотой луч рассвета.

В рюкзаке у неё не было ни учебников, ни стопок выстиранной одежды, как у остальных. Вещей у неё было мало, некоторые она стирала и надевала буквально на следующий день.

Оставив вещи в общежитии, Линь Сифэн достала из рюкзака бумажный пакет. Внутри лежала коробка, обернутая в несколько слоев полиэтилена. С этим пакетом в руках она направилась в класс.

Солнце уже поднялось, заливая всё вокруг золотом. Шторы в классе были раздвинуты, и солнечные лучи прыгали по партам, придавая холодному помещению немного тепла.

Войдя в класс, Линь Сифэн увидела у своей парты высокую стройную фигуру. Тонкие белые пальцы юноши двигались в лучах солнца, и бумага под его руками тихо шуршала.

Линь Сифэн замерла, узнав его:

— Му Циюнь?

Юноша медленно поднял голову, и его лицо осветилось солнцем. Длинные ресницы слегка дрогнули, глаза, чуть глубоко посаженные, от природы казались полными нежности. В уголках его глаз затаилась легкая улыбка. Прохладный ветерок ворвался в окно, взъерошив короткие волосы на лбу и скользнув по уголкам глаз — юноша инстинктивно моргнул, и этот миг был до того прекрасен, что захватывало дух.

Линь Сифэн смотрела на него полсекунды — именно столько времени она позволяла себе на минутную слабость. Она боялась, что если будет смотреть дольше, Му Циюнь разгадает её сложные мысли.

Линь Сифэн, как обычно, приветливо улыбнулась и подняла руку, звонко потряхивая бумажным пакетом:

— Му Циюнь! Ну ты и счастливчик, как узнал, что я принесла тебе вкусняшки, что так рано пришел!

С этими словами она, как ни в чем не бывало, направилась к их привычному месту.

<http://bllate.org/book/21808/2257095>